

## **Оглавление**

<i>Часть первая. ЭННИ</i> . . . . .	9
<i>Часть вторая. МИЗЕРИ</i> . . . . .	133
<i>Часть третья. ПОЛ</i> . . . . .	283
<i>Часть четвертая. БОГИНЯ</i> . . . . .	403

*Стефани и Джиму Леонард, они знают за что.  
О да, знают.*

Хочу выразить благодарность трем медицинским работникам, которые помогли мне с подготовкой материала для этой книги.

Вот их имена:

Расс Дорр, ассистент врача

Флоренс Дорр, медсестра

Дженет Ордуэй, врач-психиатр

Как всегда, они обратили мое внимание на детали, которые обычно остаются незамеченными. Любая грубая ошибка на моей совести.

Разумеется, препарата под названием «Новрил» не существует, но есть несколько аналогичных препаратов на основе кодеина. К сожалению, в аптеках такие препараты не всегда находятся под тщательным контролем.

Все места и персонажи в книге вымышлены.

*С. К.*

## Часть первая ЭННИ

Когда ты смотришь в бездну,  
бездна тоже смотрит в тебя.

*Фридрих Ницше*

### 1

*ллавннная*

*саммая ллавннная*

*клонница*

Эти звуки — даже в тумане.

### 2

Однако порой звуки, как и боль, стихали, и оставался только туман. Он помнил темноту, непроницаемую темноту, которая предшествовала туману. Значит, ему становится лучше? Да будет свет (пусть даже туманный), и свет был хорош, и так далее и тому подобное? А звуки? Пришли из темноты? Он не мог ответить ни на один из этих вопросов. И есть ли в них толк? На этот вопрос у него тоже не было ответа.

Боль угнездилась где-то ниже звуков — к востоку от солнца и к югу от ушей. Вот и все, что он знал.

Долгое время, казавшееся вечностью (ибо вокруг не существовало ничего, кроме боли и тревожного тумана), звуки составляли для него единственную реальность. Он понятия не имел, кто он и где нахо-

дится. Да и не все ли равно? Ему хотелось умереть, но пелена боли, окутавшая разум, словно летняя грозовая туча, мешала прийти к осознанию этого факта.

Со временем он стал замечать периоды отсутствия боли, их циклический характер. Впервые с тех пор, как вынырнул из абсолютной тьмы, которая предшествовала туману, он подумал о чем-то, не связанном со своим нынешним состоянием. На ум пришла сломанная опора пирса на пляже в Ревире, куда ребенком его часто возили родители. Опора торчала из песка, словно одинокий клык погребенного монстра, и он всегда просил расстилать плед там, откуда мог ее видеть. Ему нравилось сидеть и наблюдать, как она уходит под воду во время прилива. Несколько часов спустя, когда сэндвичи и картофельный салат были съедены, в отцовском термосе не оставалось лимонада и мама вот-вот скажет, что пора домой, верхушка прогнившей сваи появлялась вновь — сначала среди набегающих волн мелькал самый кончик, а затем постепенно выступала остальная часть. К тому времени, как они с родителями выбрасывали мусор в большую урну с надписью «СОДЕРЖИТЕ ПЛЯЖ В ЧИСТОТЕ», собирали игрушки Поли

*(меня зовут Поли я Поли и вечером мама смажет мою обгоревшую кожу детским маслом, пронеслось посреди грозовой тучи, в которой он теперь жил)*

и сворачивали плед, опора с почерневшими скользкими боками почти полностью показывалась над водой в окружении мыльных хлопьев пены. Отец пытался объяснить ему суть прилива, однако Поли твердо знал, что главное — свая. Прилив уходит и приходит, а свая остается. Просто ее не всегда видно. Без сваи не было бы прилива.

Воспоминание сонной мухой кружилось в голове и сводило с ума. Он пытался ухватить смысл, но долгое время звуки мешали.

*клонница*

*перррочиталла всееее*

*саммая ллавнная*

Иногда звуки пресекались. Иногда пресекалось что-то в нем самом.

Его первое отчетливое воспоминание о настоящем, о времени, проведенном за пределами грозовой тучи, было связано с остановкой, с внезапным осознанием того, что он не может дышать. Вот и ладно, вот и хорошо, по правде сказать — просто замечательно; всему есть предел, даже боли, и он был рад выйти из игры.

Затем чьи-то губы прижались к его губам — сухие и твердые, они тем не менее совершенно точно принадлежали женщине; ее дыхание с силой проникло ему в горло, как мужчина мог бы проникнуть в женщину, и наполнило легкие. Когда губы отстранились, он впервые ощутил запах своей тюремщицы — отвратительную смесь ванильного печенья, шоколадного мороженого, куриной подливки и арахисового масла.

Он слышал ее голос:

— Дыши, черт возьми! Дыши, Пол!

И снова губы прижались к его губам. И в горло опять ворвалось дыхание — как поток затхлого воздуха, который устремляется за скоростным поездом метро, унося с собой газеты и конфетные фантики. Затем губы отстранились. *Господи*, подумал он, *только не выдыхай через нос!* Но, увы, ничего не мог поделать с этой вонью, с *этой проклятой ВОНЬЮ!*

— *Дыши, черт бы тебя побрал!* — взвизгнул невидимый голос.

*Хорошо*, мысленно ответил он, *все что угодно, только, пожалуйста, не надо меня больше травить*. Однако прежде чем он хотя бы попытался сделать вдох, губы женщины (сухие и безжизненные, как полоски соленой кожи) сомкнулись на его губах, и она вновь осквернила его своим дыханием.

Когда женщина в очередной раз отняла губы, он не просто выпустил воздух, а *вытолкнул* его и сделал мощный вдох. Затем выдох. Он ждал, что грудь начнет подниматься сама собой, без посторонней помощи, как всегда, но ничего не произошло. Тогда он сделал еще один глубокий прерывистый вдох и наконец задышал самостоятельно, изо всех сил, стараясь избавиться от запаха и послевкусия этой женщины.

Никогда обычный воздух не был таким сладостным.

Прежде чем его снова окутал туман и тускнеющий мир исчез окончательно, женский голос пробормотал:

— Уф! Еще бы чуть-чуть...

*Чуть-чуть не считается*, подумал он и уснул.

Ему приснилась опора, совсем как настоящая: протяни руку — и коснешься зеленовато-черной растрескавшейся поверхности.

Когда он вернулся в прежнее состояние полузабытья, то смог наконец найти связь между опорой и своей нынешней ситуацией — разгадка пришла во сне, который в действительности был воспоминанием. Боль не имела ничего общего с приливом. Ему лишь казалось, что она приходит и уходит. На самом деле боль напоминала сваю: она оставалась на месте, то появляясь, то пропадая из виду. Когда боль не тер-

зала его посреди густого каменно-серого облака, он молча благодарил ее, но не давал себя обмануть: боль таилась где-то рядом и только ждала, чтобы вернуться. Сваи (не одна, а целых две) означали боль, и на каком-то подсознательном уровне он понимал, за-долго до того, как смог постичь разумом, что разби-тые сваи — это его сломанные ноги.

Однако прошло еще много времени, прежде чем он наконец разлепил склеенные засохшей слюной губы и прохрипел: «Где я?» — обращаясь к женщи-не, которая сидела у его постели с книгой в руках. Автора книги звали Пол Шелдон, и он без удивле-ния узнал собственное имя.

— В Сайдвиндере, штат Колорадо, — сказала женщина, отвечая на вопрос. — Меня зовут Энни Уилкс, и я...

— Знаю, — перебил он. — Вы моя главная по-клонница.

— Да, — с улыбкой подтвердила она. — Все верно.

### 3

Тьма. Затем боль и туман. Затем осознание того, что боль, хоть и не отступает полностью, порой все же идет на компромисс, даруя облегчение.

Первое, что он отчетливо помнил: остановка и зловонное дыхание женщины, насильно вернув-шее его к жизни.

Следующее воспоминание: ее пальцы через рав-ные промежутки времени заталкивают ему в рот ка-кие-то капсулы. В отсутствие воды они просто лежа-ли на языке и таяли, оставляя после себя отврати-тельную горечь, как после аспирина. Хотелось их

выплюнуть, но он знал, что лучше не стоит, ибо за горечью наступал прилив, который накрывал сваю  
*(СВАИ их ДВЕ тебе ясно их ДВЕ ладно две хорошо а теперь помолчи тссс)*

и заставлял их на какое-то время исчезнуть.

Вначале эти события происходили с большими интервалами. Однако по мере того как боль начала отступать — или, скорее, размываться (почти как та свая на пляже в Ревире, ибо ничто не вечно, хотя в детстве он посмеялся бы над подобной чепухой), — окружающая действительность все чаще стала напоминать о себе, и вскоре реальный мир — вместе с грузом воспоминаний, опыта и предрассудков — вернулся на круги своя. Его звали Пол Шелдон, и он писал романы двух типов: серьезные и бестселлеры. Он успел дважды жениться и развестись, слишком много курил (по крайней мере, до всей этой истории). С ним случилось что-то очень плохое, однако он выжил. Темно-серое облако быстро рассеивалось. И хотя пройдет еще какое-то время, прежде чем его главная поклонница принесет старый грохочущий «Роял» со щербатой ухмылкой и голосом Даки Дэддлса, Пол уже тогда понимал, что крупно влип.

#### 4

Он разгадал ее каким-то внутренним чутьем еще прежде, чем увидел, и заглянул ей в душу раньше, чем смог прийти к осознанному выводу. Как иначе объяснить, что эта женщина рождала в нем столь темные, зловещие образы? Всякий раз, когда Энни входила в комнату, он думал об африканских идолах,

которым поклонялись суеверные племена в романах Генри Райдера Хаггарда, и о слепом роке.

Образ каменного идола из романов «Она» или «Копи царя Соломона», при всей абсурдности такого сравнения, как нельзя более точно подходил Энни Уилкс. Если не считать большой непривлекательной груди, обтянутой серым кардиганом, в ее крупной фигуре не было никаких женственных линий — подчеркнутого изгиба ягодиц, бедер или хотя бы икр под бесконечными шерстяными юбками, которые она носила дома (перед выходом на улицу Энни удалялась к себе в спальню и надевала джинсы). Ее массивное тело не дарило обещания плотских радостей. Скорее, оно наводило на мысли о заграждениях и баррикадах — как неприступная крепость без единого открытого участка, малейшей щелочки или отдушины.

Но прежде всего она производила тревожное ощущение *монолитности*, словно у нее отсутствовали кровеносные сосуды или внутренние органы; единая и неделимая Энни Уилкс от макушки до самых пят. В нем постепенно крепла уверенность, что ее глаза, хоть и двигаются, на самом деле нарисованы и создают лишь видимость движения, как глаза портретов, которые следят за каждым твоим шагом. Казалось, если выставить два пальца рогаткой и засунуть ей в нос, они не продвинутся и на восьмушку дюйма, встретив непреодолимую (пусть и слегка податливую) преграду; что даже серый кардиган, бесформенные юбки и выцветшие рабочие джинсы составляют неразрывное целое с ее твердым, жилистым, однородным телом. Неудивительно, что Пол видел в ней каменное божество из приключенческого романа. Подобно божеству, она внушала только одно: смутную

тревогу, неуклонно переходящую в ужас. Подобно божеству, она не оставляла ничего другого.

Хотя нет. Не совсем. Он получал от нее кое-что еще — таблетки, которые помогали вызвать прилив и затопить сваи.

Таблетки были приливом, а Энни Уилкс — лунным божеством, приносившим их, как волна приносит обломки. Она давала ему по две каждые шесть часов. Вначале о ее присутствии он мог судить лишь по двум пальцам, которые ощущал у себя во рту (вскоре он научился жадно облизывать их, несмотря на горечь). Позже она стала являться в своем вязаном кардигане и одной из многочисленных юбок, обычно с дешевым изданием какого-нибудь из его романов под мышкой. Ночью она приходила в пушистом розовом халате (ее лицо блестело от крема, и Пол без труда мог назвать основной ингредиент, хотя ни разу не видел тюбика: резкий овечий запах ланолина говорил сам за себя) и вырывала его из тяжелого беспокойного сна. В руке у нее были таблетки, а в окне за ее крепким плечом висела рябая луна.

Через некоторое время — когда тревога стала слишком сильной, чтобы не обращать на нее внимания, — Пол наконец выяснил, чем его пичкают. Препарат назывался «Новрил» — анальгетик с высоким содержанием кодеина. Вот почему он так редко нуждался в судне; не только из-за рациона, состоящего исключительно из жидкой и желеобразной пищи (пока он был без сознания, Энни кормила его внутривенно), но и потому что «Новрил» обладал свойством вызывать запоры. У препарата имелся и гораздо более серьезный побочный эффект — он провоцировал удушье у особо чувствительных пациентов. Пол не относил себя к особо чувствительным, хотя

был заядлым курильщиком почти восемнадцать лет, и все же его дыхание останавливалось по крайней мере один раз (или больше, в тумане — он не помнил). Тогда пришлось делать ему искусственное дыхание. Возможно, все объяснялось именно этим, хотя Пол склонялся к выводу, что Энни чуть не убила его из-за случайной передозировки. Она сама толком не понимала, что делает. И это далеко не единственное, что пугало в Энни Уилкс.

Дней через десять после того, как он вынырнул из темного облака, Пол одновременно сделал три открытия. Во-первых, у Энни имелся огромный запас «Новрила» (а также других сильнодействующих препаратов). Во-вторых, он пристрастился к «Новрилу». И в-третьих, Энни Уилкс — опасная сумасшедшая.

## 5

Боли и грозовой туче предшествовала тьма; о том, что предшествовало тьме, Пол узнал вскоре после того, как очнулся. На традиционный в таких случаях вопрос Энни ответила, что он находится в небольшом городке под названием Сайдвиндер, штат Колорадо. Она добавила, что прочла все восемь его романов по крайней мере дважды, а романы о Мизери — свои любимые — по четыре, пять, а то и шесть раз. Жаль, что они выходили так редко. Она до последнего не верила, что ее пациент действительно *тот самый* Пол Шелдон, хотя нашла удостоверение личности у него в бумажнике.

— Кстати, где мой бумажник? — спросил он.

— Я взяла его на хранение. — Улыбка внезапно сменилась настороженностью, которая ему совсем

не понравилась — все равно что наткнуться на глубокую расщелину посреди цветущего луга. — Или думаешь, я оттуда что-нибудь украла?

— Разумеется, нет. Дело в том, что...

*В нем вся моя жизнь, мысленно закончил он. Моя жизнь за пределами боли. За стенами этой комнаты, где время тянется, словно розовая нить жвачки, которую скусающий ребенок вытаскивает изо рта. Поэтому что именно так я себя чувствую за час до приема таблеток.*

— Так в чем же дело, мистер? — переспросила Энни, и Пол с тревогой заметил, как темнеет ее прищуренный взгляд. Расщелина увеличилась, словно где-то в недрах ее черепа происходило землетрясение. Слушая непрерывное завывание ветра за окном, он внезапно представил, как Энни поднимает и закидывает его на плечо, словно мешок на каменную стену, выносит из дома и швыряет в сугроб, где он неизбежно замерзнет насмерть, но не раньше, чем сойдет с ума от боли в ногах.

— Дело в том, что отец всегда учил меня не спускать глаз с бумажника, — ответил он, пораженный тем, с какой легкостью далась ему ложь. Отец, как правило, уделял Полу ровно столько внимания, сколько от него требовалось, и за всю жизнь дал только один совет. На четырнадцатый день рождения сына Роджер Шелдон вручил ему запаянный в фольгу презерватив. «Положи в бумажник, — сказал он, — и, если вдруг приспичит, когда будешь целоваться в машине с девушкой, улучи секунду и надень эту штуку прежде, чем окончательно потеряешь голову. В мире и так полно маленьких ублюдков, и я не хочу, чтобы в шестнадцать лет ты сбежал в армию». — Наверное, он столько раз велел мне следить за бумаж-

ником, что привычка накрепко засела в голове. Простите, если обидел.

Она смягчилась и ответила улыбкой. Расщелина сомкнулась. Летние цветы снова радостно покачивались на лугу. Пол представил, как протягивает руку и не находит под этой улыбкой ничего, кроме податливой тьмы.

— Никаких обид. Он в надежном месте. Погоди, у меня для тебя кое-что есть.

Энни вернулась с дымящейся тарелкой супа, в котором плавали кусочки овощей. Пол съел не так уж много, хотя больше, чем рассчитывал. Энни выглядела довольной. За супом она рассказала ему о том, что произошло, и постепенно воспоминания встали на свои места. Пол рад был наконец узнать, как очутился здесь с раздробленными ногами, но то, *каким образом* к нему пришло это знание, вселяло тревогу: он чувствовал себя персонажем книги или пьесы, чье прошлое представляет собой не череду реальных событий, а художественный вымысел.

Энни поехала в Сайдвиндер на своем внедорожнике, чтобы купить корм для животных, кое-какие продукты для себя и посмотреть книги в аптечном магазине Уилсона. Дело было в позапрошлую среду, а новые издания в бумажной обложке всегда привозят по вторникам.

— Знаешь, я как раз думала о тебе. — Энни отправила ему в рот ложку супа и ловко вытерла салфеткой каплю, стекавшую с уголка его губ. — До чего поразительное совпадение, правда? Я надеялась, что «Ребенок Мизери» наконец поступил в продажу, но мне не повезло.

Надвигалась метель, однако до полудня синоптики уверенно заявляли, что циклон повернет на

юг, в сторону Нью-Мексико и реки Сангре-де-Кристос.

— Да, теперь припоминаю... Говорили, он пройдет стороной. Иначе я бы не поехал. — Пол попытался изменить положение ног и застонал от пронзительной боли.

— Лучше не надо, — предупредила Энни. — Если их потревожить, они не успокоятся... а лекарство ты получишь только через два часа. Я и так даю его тебе слишком часто.

*Почему я не в больнице?*

Вопрос явственно витал в воздухе, однако Пол не был уверен, что готов его задать, и еще меньше — что ей захочется на него ответить.

— Когда я зашла в магазин за кормом, Тони Робертс сказал, что мне лучше поторопиться, если я хочу попасть домой до начала метели, и я ответила...

— Далеко отсюда до города? — перебил ее Пол.

— Путь неблизкий, — туманно ответила она, глядя в окно.

Повисла неловкая пауза, и то, что Пол увидел на лице этой женщины, испугало его. Потому что он не увидел *ничего*. Только черную пустоту расщелины, скрытой посреди альпийского луга, тьму, где не росли цветы, и если туда упадешь, то можно лететь очень долго. Это лицо принадлежало женщине, полностью лишенной жизненных ориентиров и якорей, как будто она утратила не только нить повествования, но и саму память. Однажды, очень давно, собирая материалы для первой из четырех книг о Мизери (служивших ему основным источником дохода последние восемь лет), он посетил психиатрическую лечебницу и видел на лицах пациентов то же самое